

В.А.Ядрышников

НОВГОРОДСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ ПОДЛИННОСТИ

Рассматривается один из главных аспектов научной реставрации архитектурных памятников XX—XXI вв. — сохранение подлинности объектов в процессе этих работ. Рассматривается вопрос о возможности или невозможности удаления малоценных поздних наслоений XVIII—XIX вв. На конкретных примерах схематично проанализирован метод работы новгородских реставраторов (Л.М.Шуляк, Т.В.Гладенко, Л.Е.Красноречьев, Г.М.Штендер), показана его испытанная временем безусловная результативность и плодотворность. В то же время указывается на острый кризис реставрационной науки и практики в XXI в. Обоснованно ставится вопрос об их срочной и радикальной реформе, о возвращении к богатым традициям советской реставрации, о необходимости «реставрации реставрации».

Ключевые слова: подлинность, архитектурное наследие, реставрация

Во второй половине XX в. новгородскими специалистами была проведена титаническая работа по реставрации архитектурных памятников. Практически все древние исторические здания (около двухсот) реставрированы или законсервированы, приобрели иной облик, в ряде случаев значительно отличающийся от существовавшего до войны. Эта работа была весьма положительно оценена учеными и общественностью, восемь реставраторов (из них четыре ведущих архитектора) были удостоены в 1996 г. Государственной премии.

Но, поскольку, действительно, в процессе реставрационных работ облик памятников претерпел серьезные изменения, уместно рассмотреть вопрос о сохранении, раскрытии или умалении подлинности этих объектов в XX в.

Понятие подлинности древних памятников крайне сложное, противоречивое, многоаспектное, трудно уловимое. С одной стороны, подлинными считаются все слои и элементы памятника, включая самые поздние, XIX—XX вв. С другой, если не определить ориентиров и не установить иерархию среди разновременных напластований в массиве памятника, если сохранять все эти напластования при реставрации, облик объекта не изменится. Усилятся ли в последнем случае его подлинность? Ведь объективно в облике памятника доминирует последний по времени строительный этап, как правило, XIX в., в то время как более ранние формы полностью или в значительной мере скрыты.

Что мы получим в результате? Радикально искаженное здание, даже целые группы подобных зданий, которые будут демонстрировать зрителям только не совсем удачные (а зачастую откровенно корявые) формы провинциального классицизма или «русского стиля». В Новгороде имеется или имелось до реставрации достаточное количество подобных «шедевров» — соборы Никиты мученика, Иоанна Предтечи на Опоках, Успения на Торгу, церковь Рождества Богородицы в Перыни, Троицкий собор Клопского монастыря, Спасо-Преображенский собор в Старой Руссе и др. Резко выступал против поздних неудачных перестроек и пытался теоретически обосновать эту позицию выдающийся новгородский реставратор, дважды лауреат Государственной премии Л.Е.Красноречьев: «По сути некоторые позднейшие искажения и капитальные ремонты могут быть приравнены к ущербу военных лет, ибо в результате подобных «операций» здание претерпевало такие изменения, за которыми уже оказалось невозможным разглядеть произведение древнерусского зодчества не только в его общих формах, но даже незначительных деталях» [1].

В первые послевоенные годы, когда отсутствовала методическая литература, общие принципы научной реставрации были сформулированы опытными ведущими специалистами, часто бывавшими в Новгороде — академиками И.Э.Грабарем, А.В.Щусевым. Помимо прочего, ими была определена и возможность удаления наслоений кон. XVIII — нач. XX вв., то есть была обозначена некоторая иерархия форм [2, с. 74-78].

Разумеется, это самый общий, теоретический принцип. Конкретная методика разрабатывалась в процессе исследований и реставрации каждого объекта. На нее оказывал влияние целый ряд факторов — строительная история памятника, сохранность, количество и качество поздних элементов, их сочетаемость с более ранними формами, личность и талант реставратора и рецензента и т. д.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что качество проведенных реставрационных работ в Новгороде (за небольшими исключениями) оказалось непревзойденным. Трудно представить, как можно было сделать лучше. За счет удаления самых поздних наслоений были раскрыты формы новгородского зодчества различных эпох, продемонстрирована история развития новгородского искусства в камне. Предполагаемое возражение, что можно было сохранить элементы XIX в., а древние зафиксировать в чертежах или макетах, парируется обратным предложением — лучше раскрыть древнюю архитектуру, а позднюю показать на чертежах (именно так и сделано). К тому же следует подчеркнуть, что удаление поздних дополнений, как правило, значительно усиливает значение памятника как исторического источника, поскольку вместо стилистики XIX в. раскрываются элементы нескольких более ранних периодов. А как известно, в методике научной реставрации приоритетным считается именно исторический аспект памятника [3, с. 35-36]. Наконец, не следует забывать, что многие поздние элементы и конструкции (покрытия, главы, декор) были уничтожены или повреждены в

годы Великой Отечественной войны, и их воссоздание в любом случае было бы спорным, а сами они перестали быть подлинными.

Крайне важно, что новгородские мастера избежали и другой крайности — приведения памятника к первоначальной или «оптимальной» дате. К этому склонял единственный в послевоенные годы методический документ — Инструкция о порядке учета, регистрации и реставрации памятников архитектуры, изданная в 1949 г. Цель реставрации в ней определена как «восстановление или воссоздание памятника в его изначальной форме или в ином виде, в каком памятник находился на определенную научно обоснованную оптимальную дату» [4, с. 48]. Эта рекомендация создавала общую тенденцию стремления к восстановлению наиболее древних форм и даже допускала воссоздания. Ясно, что это методическое указание при его прямолинейной реализации снижало подлинность памятника.

Однако, новгородские специалисты не пошли бездумно по этому пути. Уже в первых работах они применили метод, позднее названный Л.Е.Красноречьевым «компромиссным». Он подразумевает, что по натурным следам раскрываются не только первоначальные, но и относительно более поздние интересные архитектурные элементы и детали. Например, при реставрации церкви Дмитрия Солунского XV в. (Л.М.Шуляк, конец 1940-х гг.) были раскрыты не только первоначальные окна и декор, но и проемы XVI и XVII вв., а там, где натурных следов не обнаружено, сохранены части XIX в. По тому же методу были проведены реставрации церковью Иоанна Богослова (Шуляк, 1950-е гг.), Иоанна Предтечи, Успения на Торгу (Т.В.Гладенко, 1950-е гг.), Рождества Богородицы на Михалице, Благовещения на Торгу (Л.Е.Красноречьев, 1950-е гг.) и многие другие. Почти всегда при реставрации сохранялись поздние пристройки, в том числе и XIX в. [2].

Можно утверждать, что в новгородской реставрации XX в. была достигнута и сохранялась гармония между всеми аспектами этой науки — между исследовательским, проектным и строительным циклами, между формами XII—XVII вв. и в ряде случаев более поздними, между историческим и художественным аспектом памятника.

Для примера напомним несколько показательных работ новгородских специалистов. Церковь Петра и Павла в Кожевниках начала XV в. (Л.М.Шуляк, Г.М.Штендер, 1955—1958 гг.) была перестроена в XVI и XVIII вв., серьезно пострадала в годы Великой Отечественной войны. При исследованиях выяснилось, что, несмотря на это, практически все древние формы памятника сохранились в натуре и могут быть восстановлены. Спорный момент — разборка придела XVIII в., довольно близкого по своим формам, который закрывал южный портал и интересный декор. После реставрации здание представляет собой показательный объект, которому полностью возвращены древние формы, опираясь исключительно на объективные данные. По аналогичной методике был восстановлен и раскрыт от грубой поздней штукатурки и надкладок храм Рождества Богородицы в Перыни начала XIII в. (Л.Е.Красноречьев, 1961—1965 гг.). Это образцы реставрации памятников с простой строительной историей.

В более сложных случаях сохранялись элементы различных эпох. При работах на церкви Параскевы Пятницы начала XIII в. (Г.М.Штендер, 1954—1963 гг.) кроме первоначальных форм реставрированы части XIV в., XVI в., XVII в., XVIII в. В церкви Спаса Спaso-Преображенского монастыря в Старой Руссе (Т.В.Гладенко, 1960-е гг.) в той или иной мере сохранены элементы XII в., XV в., начала и конца XVII в., XIX в. В подобных случаях памятник приобретал функцию своеобразной архитектурной энциклопедии, которую мог читать любой внимательный зритель. Особо следует подчеркнуть, что реставраторы старались сохранить на фасадах патину времени и почти всегда это удавалось [3, с. 35].

Вернемся вновь к нашему вопросу. В результате подобных, иногда довольно радикальных мероприятий усилилась ли подлинность памятников? У нас нет единиц измерения подлинности. Можно лишь настаивать, что существенно возросла их историческая и художественная значимость, поскольку значительно усилились все аспекты зданий — исторический, художественный, градостроительный, мемориальный, информативный, функциональный, технический и др. В определенной мере подлинность объекта можно считать синонимом, отражением его общественной значимости.

В настоящее время ситуация принципиально иная. Научная реставрация переживает острейший кризис. Количество реставраций в Новгороде резко сократилось, они стали единичными, как в дореволюционной России, хотя все памятники обветшали и требуют поддерживающих мероприятий. В силу ряда негативных явлений пользователи архитектурных памятников не могут, а нередко и не способны добиваться финансирования соответствующих работ. Когда же финансирование выделяется явочным порядком, например, к юбилею города, ставятся нереальные сроки при огромном объеме работ, и при слабом контроле получается не прорыв, а катастрофа. Достаточно видеть постройки одного из самых важных ансамблей Новгорода — Ярославова дворища: несмотря на проведение реставрации в 2008—2009 гг. штукатурка повсеместно осыпается, кладка разрушается, карнизы обрушаются, крыльца разваливаются. В настоящее время проведенные реставрации иногда не улучшают, а ухудшают состояние памятников.

Реставрации последних лет проводятся, как правило, не новгородскими, а московскими или петербургскими специалистами. Последние крупные работы — комплекс Иверского монастыря, Владычная палата в Кремле. Указанные работы вызывают целый ряд претензий или вопросов: какова обоснованность тех или иных действий и операций, какова их необходимость. При отсутствии реставрационного отчета (а так бывает часто) практически невозможно понять методику работ: конкретные архитектурные формы или детали восстановлены по следам, по аналогии или по интуиции. В таком случае можно ставить вопрос о снижении подлинности памятника в результате реставрации XXI в. или, вернее, «реставрации».

Таким образом, как нам представляется, факты и приведенные примеры показывают, что в XX в. подлинность памятников в процессе реставрационных мероприятий, как правило, возрастала, но в текущем столетии наблюдается обратная тенденция. Необходимо срочно наводить порядок в реставрационной сфере, иначе уйдут последние квалифицированные специалисты и придется заново, с нуля создавать теорию и методику научной реставрации.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-412-530005 p_a)

1. Красноречьев Л.Е. Опыт реставрационных работ Новгородской мастерской. 1969 г. // Архив Новгородского научно-реставрационного управления. Р-645.
2. Ядрышников В.А. Чудо возрождения: История новгородской архитектурной реставрации. СПб., 2017. 368 с.
3. Михайловский Е.В. Реставрация памятников архитектуры // Восстановление памятников культуры: (Проблемы реставрации) / Под ред. Д.С.Лихачева. М., 1981. С. 15-42.
4. Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры: (Проблемы реставрации) / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1981. С. 44-72.

References

1. Krasnorech'ev L.E. Opyt restavratsionnykh rabot Novgorodskoy masterskoy. 1969 g. [Experience of restoration works of the Novgorod workshop]. Arkhiv Novgorodskogo nauchno-restavratsionnogo upravleniya. R-645.
2. Yadryshnikov V.A. Chudo vrozozhdeniya: Istoriya novgorodskoy arkhitekturnoy restavratsii [Revival miracle: History of the Novgorod architectural restoration]. St Petersburg, 2017. 368 p.
3. Mikhaylovskiy E.V. Restavratsiya pamyatnikov arkhitektury [Restoration of monuments of architecture]. In: Likhachev D.S., ed. Vosstanovlenie pamyatnikov kul'tury: (Problemy restavratsii). Moscow, 1981, pp. 15-42.
4. Shtender G.M. Restavratsiya pamyatnikov novgorodskogo zodchestva [Restoration of monuments of the Novgorod architecture]. In: Likhachev D.S., ed. Vosstanovlenie pamyatnikov kul'tury: (Problemy restavratsii). Moscow, 1981, pp. 44-72.

Yadryshnikov V.A. Novgorod restoration and authenticity of objects. The authenticity in the conservation and safeguarding of architectural heritage of Novgorod region is considered. The issue of removal of 17th—19th century plaster in Novgorod churches is discussed. The methodology of Novgorod restorers (L.M.Shulyak, T.V.Gladenko, L.E.Krasnorech'ev, G.M.Shtender) is analysed, its effectiveness is shown. It is noted that restoration science and practice in the 21st century is undergoing a severe crisis. The question of returning to rich traditions of the Soviet restoration and the need for "restoration of restoration" is raised.

Keywords: authenticity, architectural heritage, restoration.

Сведения об авторе. Владимир Алексеевич Ядрышников — старший научный сотрудник НИЦ НовГУ; museum.novgorod@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 01.03.2019.